
К ВОПРОСУ О «ЧЕСАТЕЛЕ И ПИТАТЕЛЕ», ИЛИ СПЕЦИФИКА КОМИЧЕСКОГО В ПРОЗЕ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА

О.О. Смирнова

Кафедра русской и зарубежной литературы
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, Россия 117198

В работе рассматриваются проявления комического на разных уровнях художественных текстов В. Пелевина, а также выдвигаются гипотезы об основных функциях и особенностях комического в прозе писателя.

Ключевые слова: Пелевин, сатира, юмор, «Омон Ра», «Generation П», «Empire V».

Виктор Пелевин — один из самых известных и обсуждаемых современных российских писателей. Его творчество воспринимается критиками и читателями неоднозначно: одни считают его книги массовой литературой, другие — элитарной, одни называют его флагманом русского постмодернизма, другие — продолжателем традиций классики. Стоит отметить, что все эти точки зрения имеют те или иные основания.

Мы бы хотели обратиться к пока мало исследованной, но имеющей большое значение в творчестве автора эстетической категории — комическому.

Одной из ключевых характеристик комического является его амбивалентная природа. Во-первых, смех выражает веселье и жизнерадостность. Во-вторых, смех — это форма неприятия и осуждения людьми того, что их окружает, насмешка над чем-либо. В основе комического лежит то или иное противоречие, несоответствие, неожиданность, обманутое ожидание. Комическое всегда соседствует с трагическим: часто они являются двумя сторонами одной медали.

По сей день нет единого общепризнанного и достаточно полного определения эстетической категории комического. По утверждению В. Проппа, «в каждом отдельном случае надо определять специфику комического, надо проверять, в какой степени и при каких условиях, всегда или не всегда одно и то же явление обладает комизмом» [14. С. 6].

Существует мнение (1), что в истории литературы смех приобретает особое значение в переходные периоды, когда становится очевидной относительность того, что казалось неоспоримым и прочным, старые ориентиры теряют смысл, идеология перестает выполнять свою функцию. Именно такая эпоха получила отражение в творчестве Виктора Пелевина. Ранние его произведения посвящены времени кризиса и падения советской системы («Омон Ра», «Жизнь насекомых»), более поздние — складыванию нового общества в России и формированию в нем капиталистических отношений («Generation „П“»), романы 2010 и 2011 г. «Ананасная вода для прекрасной дамы» и «Snuff» — современной социально-политической ситуации в мире. При этом в любом пелевинском сюжете наряду с конкретно-истори-

ческой основой присутствуют вневременные пласты: мифологический, религиозный, философский. Происходит соприкосновение обыденного с потусторонним, очевидного со скрытым и взаимное их развенчание.

Объектом насмешки писателя становится все: от механизмов влияния на сознание потребителя до веры в наличие единого для всех реального объективно существующего мира. Природа смеха в книгах Пелевина — преимущественно обличительная, причем наряду с общественными пороками раскрываются и внутренние противоречия личности. Неразрывная связь комического с трагическим роднит его творчество с произведениями Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Булгакова: комическое обнаруживает противоречия и переосмысляет сам себя, трагическое становится результатом этого переосмысления.

В произведениях Пелевина мы рассмотрим формальную сторону комического: проявления его на разных уровнях художественного текста, роль комического в разрушении стереотипов и отрицании абсолютов, а также трансформацию элементов романтической иронии: утверждение и одновременно пародирование идеи об иллюзорности мира.

Элементы комического присутствуют на всех уровнях текстов писателя:

— фонетическом (аллитерации: муравыха Марина, мотылек Митя, «За морем мур, / За муром вор...»), некоторые неологизмы: «Йа» (полупрозрачный серо-коричневый шар из навоза и одновременно астральный двойник навозных жуков). Здесь эффект комического создается сочетанием фонетических средств и семантики: принадлежность к одному из семейств насекомых сочетается с женским именем, слово «море», отсылающее к романтической лирике, — с аббревиатурой «московский уголовный розыск»);

— морфологическом («Чесатель и питатель», «Блохосфера и революция»);

— словообразовательном («коллежский ассенизатор», «мелкий литературный недотыкомзер»: «недотыкомка» из «Мелкого беса» Ф. Сологуба и намек на литературного критика А. Немзера);

— лексическом и фразеологическом («Приказание и наступление», «Номо Zariens» («человек переключающий/переключаемый»), «блужок Василия Заборного», «первый блиц кригом»);

— синтаксическом («багровые кровоподтеки транспарантов», «метафизический аспект совковости», «новорусский дискурс как симулякр социального конструкта», «Хазары выдают арлекинов атаману Путину (фрагмент первой ритуальной росписи плафона Общественной палаты)»);

— сюжетном (непредсказуемые финалы рассказов «Зигмунд в кафе», «Ника», «Миттельшпиль»).

Излюбленным приемом Пелевина в создании комического эффекта становится характеристика серьезных научных, политических и других понятий несоответствующими им сниженными образами и стилистическими средствами (бурлеск) и придание особого статуса понятиям низменным, в частности нецензурным словам. Писатель проводит лингвистический эксперимент над читателями, в рамках которого нормативная и ненормативная лексика меняются местами. Ненорматив-

ные слова на страницах его книг приобретают респектабельность (лиса-оборотень А Х**и, пес П****ц), а научные термины (дискурс, симулякр и др.) становятся своеобразным жаргоном «для посвященных». Так писатель, сам являясь участником литературного процесса, указывает на надуманность и излишнюю «заумность» некоторых литературоведческих и лингвистических исследований, призванных воздействовать на сознание лишь с помощью внешних форм и подчас потерявших связь с содержанием. Здесь комическое служит обличению «неживого», абстрактного, механического (2). Приведем несколько цитат из романа «Числа»:

«Это было заседание литературного семинара, где Мюс выступала с докладом „Новорусский дискурс как симулякр социального конструкта“» [10. С. 65].

«Говоря о читателе и писателе, мы ни в коем случае не должны забывать о других важных элементах творческого четырехугольника, а именно чесателе и питателе» [10. С. 66].

«„Царь Навухогорлоносор“ — орган лингвистических нудистов, которые не признают лицемерных фиговых листков на прекрасном зверином теле русского языка» [10. С. 67].

Тот же мотив отрицания косного, «застывшего», но претендующего на абсолют прослеживается и на сюжетном уровне произведений Пелевина. В романе «Омон Ра» герои обречены на совершение подвига как своеобразное принесение жертвы «идолу» под названием Советское государство. Здесь все выпускники высшего военно-политического училища имени Павла Корчагина — парализованные и слепые инвалиды, а в летном училище имени Маресьева курсантам после поступления ампутуют ноги во имя Родины, а затем обучают танцевать «Калинку». Спецегерь Марат Попадья погибает, когда они с отцом, переодетые в медведей, в качестве мишеней участвуют в охоте американского политика Киссинджера, приехавшего в Россию подписывать договор о сокращении ядерных вооружений. Такая ситуация не вызывает возмущения или противодействия, а представляется вполне нормальной в сознании советского человека. Абсурд перестает осознаваться. Гротеск в данном случае помогает взглянуть на явление со стороны и, следовательно, лучше понять его.

В романе «Generation „П“» инструментом управления массовым сознанием людей уже другой эпохи и других стереотипов становится «орально-анальный вытесняющий вау-фактор». Справедливо утверждение А.Г. Коваленко: «Реклама играет роль того же бутафорского сооружения, на котором ранее зиждилась советская идеологическая машина» [6. С. 450]. Здесь отрывки из известных произведений, видоизменяясь, превращаются в рекламные слоганы («Я в весеннем лесу / Пил березовый Спрайт»), а сюжеты для рекламы сами претендуют на эпическую значимость. Аналогом богов в таком обществе становятся деньги, а стремление к обладанию, воплощенное в рекламе, — новой мифологией.

Разрушение штампов на бытовом уровне в произведениях Пелевина разрастается до понимания относительности и недолговечности всех привычных представлений о жизни-смерти, реальности-вымысле, сне-яви.

Этот отстраненный взгляд указывает на неоромантические традиции в творчестве писателя и, в частности, на связь с романтической иронией. Однако романтическое отстранение и релятивизм автор гиперболизирует: читатель не может понять, где и как пространственно-временные пласты сменяют друг друга, где серьезное повествование переходит в ироническое и наоборот, в какой из своих ипостасей пребывает герой. Писатель пародирует романтическое противопоставление «Этого и Того мира, одновременно обогащая и расширяя диапазон романтического двоимирия» [6. С. 445].

Чаще всего герои Пелевина из обыденной действительности, «типических» обстоятельств попадают в обстоятельства «исключительные», становятся избранными, а также обнаруживают связь со сверхъестественными мистическими силами с помощью каких-либо химических стимуляторов. Герой «Empire V» Роман Шторкин, неудачливый абитуриент МГУ, испытывающий постоянное давление матери и не добившийся успеха в работе грузчиком, использует «реальный шанс войти в элиту 22.06 18.40—18.55» [8. С. 24] и попадает в высшую касту — вампиров, которые рассматривают людей в качестве подножного корма. Вавилен Татарский («Generation „П“») — выпускник литинститута, когда-то продавец в ларьке, а затем — сочинитель рекламных слоганов, становится в конце произведения астральным мужем богини Иштар и главным среди халдеев — касты, которая управляет людьми, но подчиняется вампирам. Герой «Омона Ра» Омон Кривомазов, советский пионер и курсант летного училища имени Маресьева, избирается для обязательного совершения подвига — установки вымпела-радиобуя на Луне. Герой «Чапаева и Пустоты» Петр Пустота из современной Москвы переносится во времена Гражданской войны и попадает в полк легендарного Чапаева (а может, наоборот, будущее ему только привиделось). Герой романа «Ананасная вода для прекрасной дамы» Семен Левитан, еврей по происхождению, работающий в Москве учителем на курсах английского языка, принуждается к выполнению спецзадания — разговору с президентом Америки Джоржем Бушем от имени Бога через зубную пломбу, а затем и разговору с Кремлем от имени дьявола.

Миры, в которых обитают герои Пелевина, сочетаются самым непостижимым образом, вызывая у читателя недоумение, чувство обманутого ожидания или просто улыбку: «Люмпен из рассказа „День бульдозериста“ оказывается американским шпионом, китайский крестьянин Чжан — кремлевским вождем („СССР Тайшоу Чжуань“), советский студент оборачивается волком... проститутки Люся и Нелли — в советской жизни были партийными работниками» [4. С. 270]. Служащие в одном из советских госучреждений («Принц Госплана») живут одновременно в советской действительности и в компьютерной игре. А в романе «Жизнь насекомых» сам читатель решает, кем в каждом данном случае считать героев — насекомыми, отдавая предпочтение физиологическим описаниям, или людьми, рассматривая их мысли и чувства.

Знаки иномирия становятся у Пелевина пародией на символы романтизма. Священный сказочный эликсир здесь заменяет напиток баблос — сильнодействующий наркотик для вампиров, вырабатываемый из человеческой энергии в тот момент, когда они думают о деньгах. Вместо ужасающих чудовищ из апокалип-

сических легенд — хромой пес П****ц: «Он спит где-то в снегах, и, пока он спит, жизнь идет более-менее нормально. А когда он просыпается, он наступает» [8. С. 366].

Своеобразное воплощение в творчестве писателя получает субъективизм — идейная основа романтизма, рассматривающая мир как порождение собственного Я, а также философия солипсизма. В рассказе «Девятый сон Веры Павловны» уборщица общественного туалета на Тверском бульваре Вера наблюдает метафизическую суть предметов и занимается поисками «смысла» и «тайны» жизни. Она представляет происходящие вокруг события — превращение туалета в кооперативный и появление на его месте комиссионного магазина (типичная ситуация в эпоху перестройки) — как порождение собственной воли. Комический эффект здесь создается контрастом: уборщицы, читающие Блаватскую и смотрящие в «Иллюзионе» фильмы Бергмана; звуки музыки Баха, Верди и Вагнера в «усовершенствованном» кооперативном туалете. За этими противоречиями кроется острая социальная сатира: люди кажутся Вере перемазанными фекалиями, в чем она видит метафизический смысл: «Наверное, что-то превращает вещи в говно... Или даже нет — то говно, в котором мы живем, становится заметным, когда попадает на них» [9. С. 63]. Так в произведениях Пелевина метафизические образы, размышления о возвышенном снижаются самыми приземленными реалиями.

Если рассматривать комическое как несоответствие понятия и действительности, то есть создаваемую человеком иллюзию (3), эта категория становится главенствующей в художественном мире Пелевина. Мысль об иллюзорности мира буквализируется чаще всего с помощью гротеска: студент неожиданно обнаруживает, что все вокруг — одноклассники, профессор во время чтения лекции, родители и он сам — спят, а все привычные действия совершаются во сне (рассказ «Спи»). Чапаев за бутылкой водки рассказывает Петьке, что он (Чапаев) — «отблеск лампы на этой бутылке», а весь мир — «анекдот, который Господь Бог рассказал самому себе» [12. С. 370].

В произведениях Пелевина комическое выполняет различные функции: отрицание отжившего, обличение пороков, развенчание стереотипов. Оно служит развлечению читателя и одновременно — осознанию им трагичности жизни. Писатель не ограничивается социальной сатирой, он указывает на ограниченность всех представлений людей о том, что их окружает и происходит в их сознании. Пелевин подвергает сомнению даже такие оппозиции, как реальное-кажущееся, истинное-ложное, мелкое-значительное и другие, обманывая все возможные ожидания. Смех в его творчестве выступает как ответ на искажение восприятия реальности, как «обратная модель» идеала, как символ свободы и одна из главных составляющих коммуникации читателя и писателя (а также «чесателя и питателя»).

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) На это указывали Г.В.Ф. Гегель («Эстетика»), Ф. Ницше («Так говорил Заратустра»), М.М. Бахтин («Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса»), «Рабле и Гоголь»), В.Я. Пропп «Проблемы комизма и смеха») и другие исследователи.

- (2) Комическое как «живое, покрытое слоем механического» и разрушение автоматизма мышления рассматривает в книге «Смех» Анри Бергсон.
- (3) Концепция А. Шопенгауэра.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 4(2): «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса». «Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смешовая культура)». — М.: Языки славянских культур, 2010.
- [2] Боров Ю. Эстетика. — М.: Высшая школа, 2005.
- [3] Высоцкая О. Смех как условие смысловой коммуникации (анализ феномена на примере творчества Хармса) // Δόξα / ДОКСА. — № 5, 2004.
- [4] Генис А.А. Частный случай: филологическая проза. — М.: АСТ; Астрель, 2009.
- [5] Зарубина Д.Н. Универсалии в романном творчестве В. Пелевина: Дисс. ... канд. филол. наук. — Иваново, 2007.
- [6] Коваленко А.Г. Очерки художественной конфликтологии: Антиномизм и бинарный архетип в русской литературе XX века: Монография. — М.: Изд-во РУДН, 2010.
- [7] Кузнецов С. Блюстители дихотомий. Кто и почему у нас не любит Пелевина / Коммерсант-daily. — 27 июня 1996.
- [8] Пелевин В.О. «Generation „П“». — М.: Эксмо, 2010.
- [9] Пелевин В.О. Амфир В. — М.: Эксмо, 2006.
- [10] Пелевин В.О. Все рассказы. — М.: Эксмо, 2010.
- [11] Пелевин В.О. Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда: Избранные произведения. — М.: Вагриус, 2003.
- [12] Пелевин В.О. Омон Ра. — М.: Эксмо, 2007.
- [13] Пелевин В.О. Священная книга оборотня. — М.: Эксмо, 2007.
- [14] Пелевин В.О. Чапаев и Пустота. — М.: Вагриус, 2004.
- [15] Пропи В.Я. Проблемы комизма и смеха. — М.: Лабиринт, 2002.
- [16] Рюмина М.Т. Эстетика смеха. Смех как виртуальная реальность. — М.: Едиториал УРСС, 2003.
- [17] Шеллинг Ф. Философия искусства. — М.: Мысль, 1996.
- [18] Шлегель Ф. Эстетика, философия, критика. В 2-х тт. — Т. I. — М.: Искусство, 1983.

THE SPECIFIC FEATURES OF COMICS IN THE PROSE OF V. PELEVIN

O.O. Smirnova

Russian and Foreign Literature Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklucho-Maklay str., 6, Moscow, Russia, 117198

This article includes an examination of appearance of comical at the level of phonetic, lexical, word-formative, syntactic in Victor Pelevin's compositions; it also derives the hypothesis of the main features and functions of comical in this writer's books.

Key words: Пелевин, сатира, юмор, «Омон Ра», «Generation П», «Empire V».